

Illegal Crossings of the Soviet-Finnish Border by Children and Youngsters in the 1920s

Olga P. Ilyukha¹ & Alexandra V. Chebakovskaya²

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences. Petrozavodsk, Russia

Received: 28 April 2023 | Revised: 13 July 2023 | Accepted: 20 July 2023

Abstract

The study of behavioral practices of children in borderlands intersects two pivotal historical-anthropological research domains: childhood history and border studies. This article delves into unattended border crossings by children in the Karelian region of the Russian-Finnish borderlands during the 1920s. We present the results from an analysis of the two source sets housed in the Republic of Karelia National Archives. These sources comprise formal documents: questionnaire forms completed by teenagers upon their return from Finland and records from interrogations conducted by children's social security bodies and national security agencies. We identified the factors and circumstances surrounding the illegal movements of underage citizens across the Russian-Finnish borderlands. Our findings reveal that the majority of these young border trespassers were ethnic Karelian teenage boys from borderland villages. The reasons and motivations for crossing the border from Russia to Finland, and subsequently returning home, evolved over time. While personal survival was the primary motivation during the civil war, in more peaceful times, the prevalent drive to go to Finland was economic – to earn money to improve living conditions for both the individual and their parents, reflecting a family survival strategy. We also detail how authorities addressed these transgressions. We conclude that the behavioral practices of these children, in violating national borders, depict them as autonomous actors on one side, yet also highlight their profound dependence on the immediate environment, shaped by its unique political, social, and geographical nuances, on the other.

Keywords

USSR; Karelia; Finland; National Border; Border Studies; Childhood History; 1920s

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: ilyukha.olga@mail.ru

² Email: chebakovskaja@yandex.ru

Нелегальные переходы российско-финляндской границы детьми и подростками в первые годы советской власти

Илюха Ольга Павловна¹, Чебаковская Александра Вячеславовна²

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук. Петрозаводск, Россия

Рукопись получена: 28 апреля 2023 | Пересмотрена: 13 июля 2023 | Принята: 20 июля 2023

Аннотация

В статье раскрывается тема самостоятельного (без сопровождения взрослых членов семьи) пересечения границы детьми в карельской зоне российско-финляндского пограничья на начальном этапе советской истории. Представлены результаты анализа двух комплексов источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия. Это документы официального характера: анкеты, заполненные подростками, возвращавшимися на родину из Финляндии, а также материалы допросов, проводившихся органами социальной защиты детей и органами государственной безопасности. Ставится целью выявление особенностей, факторов и обстоятельств, характерных для нелегальных перемещений несовершеннолетних через советско-финляндскую границу. Установлено, что в этой группе нарушителей границы большинство составляли мальчики-карелы подросткового возраста, проживавшие в приграничных деревнях. Как свидетельствуют рассмотренные источники, цели и мотивы перехода границы из России в Финляндию, а также возвращения на родину, менялись с течением времени. Если в условиях Гражданской войны доминировал мотив спасения собственной жизни, то в мирных условиях более очевидным стал мотив ухода в Финляндию на заработки с целью улучшения собственных условий жизни и оказания материальной помощи родителям, что можно считать одной из семейных стратегий выживания. Показан характер реакции властей и меры противодействия такого рода правонарушений. Сделан вывод о том, что поведенческие практики детей, нарушавших государственную границу, с одной стороны, характеризуют их как самостоятельных акторов, с другой стороны, показывают их жесткую зависимость от контекста локальной ситуации с особыми политическими, социальными и географическими условиями.

Ключевые слова

СССР; Карелия; Финляндия; государственная граница; пограничные исследования; история детства; 1920-е годы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: ilyukha.olga@mail.ru

2 Email: chebakovskaja@yandex.ru

Введение

Тема «граница и дети» отчетливо обозначилась в исследованиях пограничья (border studies) в последние полтора десятилетия. С одной стороны, этому способствовали достижения в междисциплинарных исследованиях детства, с другой – всестороннее изучение влияния государственных границ на жизнь людей. В силу непрекращающихся военных конфликтов и изменений границ, миграций больших групп людей, в которые вовлечены дети, тема является исключительно актуальной для современного мира. Внимание исследователей привлекает специфика детского пространственного поведения в приграничье; воздействие изменения границ и трансграничных миграций на жизнь детей; восприятие границы детьми, проживающими рядом с государственными рубежами и вдали от них; место границы в картине мира детей; роль образовательно-воспитательных институтов в формировании представлений о границах; особенности проявления детских субкультур в различных географических и исторических условиях пограничья и т.д. (Akesson, 2014; Borderland Studies Meets Child Studies, 2017; Halicka, 2017; Ilyukha, 2019; Kaisto & Brednikova, 2019; Sandberg, 2016). При этом в недавнем специальном выпуске “Journal of Borderlands Studies”, посвященном детям и молодежи, отмечено, что опыт этих особенных демографических групп, связанный с изменением и пересечением границ, остается недостаточно исследованным (Venken, Kaisto & Brambilla, 2021).

Дети не являются пассивными участниками приграничных процессов, и наибольший интерес представляют неконтролируемые или слабо контролируемые взрослыми повседневные практики детей, в том числе их опыт пересечения границы без сопровождения взрослых как проявление самостоятельности и форма выражения субкультуры детства с ее особым отношением к границе в выстраивании пространственного поведения. Как и все исследования, связанные с историей детства и повседневностью детей, эти темы требуют привлечения специальных источников и нетривиального подхода к их анализу (Venken, Kaisto & Brambilla, 2021, p. 149-158).

В данной статье предпринята попытка выявления обстоятельств, целей, мотивов и сопутствующих факторов, определявших нелегальные перемещения несовершеннолетних в карельской зоне российско-финляндского пограничья в 1920-х гг. Это период кардинальных изменений пограничного режима, главным фактором которых стало приобретение Финляндией независимости в конце 1917 г. и утверждение новой государственной границы вместо административной. Если в условиях Российской империи между российской Карелией и Финляндией шла торговля, осуществлялось экономическое и культурное взаимодействие, развивались родственные контакты, то установление советской власти, сопровождавшееся социальными потрясениями, прервало эти процессы. Данная ситуация не укладывается в рамки классиче-

ской теории фронта, но может быть рассмотрена с учетом ее новейших модификаций, предполагающих осмысление разных стадий и форм культурного диалога и культурного отчуждения (Романова & Якушенков, 2012, с. 79). При таком подходе пограничная ситуация в Карелии начала 1920-х годов предстает как переходная из контактной зоны в стадию конфронтационного режима «рефронтра».

Гражданская война и иностранная интервенция, последовавшие репрессии в отношении карельских беженцев, – все это сформировало взгляд населения советской Карелии на государственную границу как на источник опасности. В историографии с разной степенью глубины рассмотрены вопросы, связанные с военно-политическими и дипломатическими задачами и последствиями установления нового государственного рубежа (Витухновская-Кауппала & Осипов, 2021; Рупасов, Чистиков, 2016), раскрыты правовые и организационные вопросы становления пограничного режима (Репухова, 2017), исследована специфика политики власти в приграничных регионах советской Карелии (Такала, 2016), показаны проблемы карельских беженцев (Усачева, 2021). Положение детей как наиболее уязвимой и в то же время культурно специфической группы, их поведенческие практики в карельском пограничье пока еще не стали предметом специального рассмотрения. Надеемся, что данная статья частично восполнит имеющийся пробел.

Основными источниками являются документы официального характера, содержащие информацию, полученную от детей и подростков. Это анкеты, заполненные самостоятельно подростками-мигрантами или советскими служащими с их слов, а также материалы допросов, фиксировавшие ответы на вопросы должностных лиц. Учитывая природу таких документов, можно получить довольно подробную и достоверную информацию о формальных характеристиках личности ребенка, поскольку зафиксирован его возраст, пол, социальное положение и прочие «анкетные данные», нередко приложена фотография. Подробно описаны обстоятельства пересечения границ и сопутствовавшие факторы, отбор которых осуществлялся в интересах органов правопорядка¹. Это уникальные комплексы источников, в которых дети предстают в персональном плане, что и позволяет решить поставленные в данной статье задачи, а также показать характер реакции властей, меры противодействия такого рода правонарушениям.

Вместе с тем изученные источники отражают подозрительный взгляд представителей власти на детей, – психологически незрелую и социально уязвимую часть жителей карельского пограничья. Документы молчат об эмоциональном состоянии детей, оказавшихся под давлением наделенных властными полномочиями людей. Понятно желание подростков избежать наказания, что так или иначе могло влиять на степень откровенности и

---

1 О специфике отраженного в официальных документах властного взгляда на социальный «низ», «рядового» человека см.: Грациози А. (2008)

характер сообщаемой информации. Таким образом, при источниковедческом анализе важно учитывать специфику данных документов, ставших результатом взаимодействия «провинившихся» подростков с органами власти, иметь в виду интересы обеих сторон и не упускать из поля зрения травматический характер опыта пересечения границы детьми, о чем также говорят источники меморативного характера (Илюха, 2012). В силу массовости документов их анализ производился с использованием репрезентативной выборки¹.

Обстоятельства пересечения границы детьми в годы Гражданской войны

После получения Финляндией независимости в конце 1917 года на северо-западной окраине советской России появился новый государственный рубеж. Он разделил многие карельские семьи, в результате чего родственники оказались по разные стороны границы. Карельский участок советско-финляндской границы долгое время оставался фактически открытым, поскольку пограничные части находились в стадии становления, а создание инфраструктуры пограничной охраны в зоне труднопроходимых лесов и болот требовало привлечения больших ресурсов (Рупасов & Чистиков, 2016, с. 201).

В условиях Гражданской войны и иностранной интервенции пересечение границы осуществлялось практически беспрепятственно с обеих сторон (Витухновская-Кауппала & Осипов, 2021, с. 93-94, 241, 268). Жители карельского пограничья, включая детей, нередко уходили в Финляндию, спасаясь от бедствий военного времени, причем такая эмиграция была характерна для населения всех территорий, расположенных к западу от Мурманской железной дороги. Судя по имеющейся за 1923 г. статистике возвратной миграции, в этот процесс были вовлечены жители Олонецкого, Петрозаводского, Паданского, Кемского и в особенности Ухтинского уездов (НАРК. Ф.Р-689. Оп. 1. Д. 10. Лл. 52об-53). Люди, проживавшие в непосредственной близости от границы, прекрасно знали расположение постов и застав, время движения дозоров, и довольно свободно совершали переходы границы (Рупасов & Чистиков, 2016, с. 97). Близость карельского и финского языков способствовала взаимному пониманию и облегчала подобные перемещения.

Единичные и групповые переходы границы отмечались на протяжении всего периода Гражданской войны. Массовое пересечение гражданским населением Карелии государственного рубежа произошло на заключительном этапе военного противостояния, в ходе северно-карельского восстания в конце 1921 – начале 1922 года. Общее число беженцев, покинувших Карелию в условиях Гражданской войны вследствие голода, угрозы жизни, из опасения преследования по политическим мотивам или уведенных насильно, составило

¹ Конкретные аналитические процедуры и приемы работы будут представлены далее при рассмотрении каждой группы документов.

по оценкам исследователей от 11 до 12,5 тыс. человек, включая детей (Витухновская-Кауппала & Осипов, 2021, с. 268; Килин, 1999, с. 66; Nygård, 1980, р. 65). Многие из них навсегда связали свою жизнь с Финляндией.

Дети и подростки, пожелавшие вернуться в советскую Карелию, как и взрослые, проходили все этапы проверки на общих основаниях амнистии, объявленной Всероссийским центральным исполнительным комитетом в 1923 г. Каждый из них заполнял анкету для последующего рассмотрения ее органами советской власти (первичная проверка, признание лица подлежащим амнистии, производилась полномочным представителем РСФСР в Финляндии) (Усачева, 2021, с. 8). В фонде 689 (Президиум Верховного Совета Карельской АССР) Национального архива Республики Карелия сохранились дела амнистированных, включающие анкеты с приложением личной фотографии, опросного листа и протоколов допросов¹, различных справок и удостоверений о пройденном обучении, эвакуационных свидетельств. Эти документы в совокупности представляют объемный комплекс уникальных источников².

С целью получения информации о детях-беженцах мы произвели анализ материалов дел амнистированных, которые в архиве сгруппированы по начальным буквам фамилии. Всего таких групп насчитывается 21 (19 объемных архивных дел). Из них для дальнейшего анализа методом случайной выборки были выделены 9 групп, т.е. немногим менее половины от общего числа материалов, что обеспечивает репрезентативность и позволяет получить статистически достоверную картину.

Из материалов к докладу по амнистии карельских беженцев за 1923 г., подготовленного ЦИК АКССР к V Всекарельскому съезду Советов, следует, что из 6357 человек, вернувшихся на родину до и после объявления амнистии, 190 человек были в возрасте младше 16 лет, 176 человек – от 16 до 20 лет (НАРК. Ф.Р-689. Оп. 1. Д. 10. Лл. 52об-53)³. Более детально нами рассмотрены 35 случаев ухода в Финляндию и возвращения на родину несовершеннолетних, выявленные в отобранных для анализа архивных делах. Среди нарушителей границы численность мальчиков на треть превышала количество девочек (21 и 14 соответственно). Дети называли различные причины ухода за границу, среди которых преобладали такие обстоятельства, как «голод», «из-за общей паники», «потому что все бежали», «отсутствие средств к существованию», «на заработки», «улучшить свое материальное положение»; реже отмечалось, что «выбыл совместно с другими гражданами», «по принуждению», «по общему отступлению и по принуждению главарей авантюры», «во время

1 Допрос несовершеннолетних проводился по общей со взрослыми схеме.

2 На основе этих документов сотрудниками Национального архива Республики Карелия создана электронная база «Карельские беженцы» (<http://rkna.ru/exhibitions/ktk/bd.html>), которая включает 2380 карточек, содержащих фамилию, имя и отчество беженца, год рождения, место рождения, информацию о наличии или отсутствии фотографии. Данная база содержит 269 карточек на детей в возрасте от 4 до 17 лет включительно, совершивших переход границы как вместе с родителями, так и самостоятельно.

3 К концу 1926 г. вернулись около 57% беженцев (около 8000 человек). См.: Репухова (2017b, с. 166).

массового перехода», «по боязни», «был взят в качестве извозчика бандитов», «убежал от войны», «по неосознанности», «как больной на излечение» (находился на службе у белых, заболел и больным был отправлен в Финляндию) (НАРК. Ф.Р-689. Оп. 14. Д. 1. Лл. 91, 110, 367, 369; Д. 2. Лл. 200; Д. 3. Лл. 11; Д. 10. Лл. 220, 277, 413, 464; Д. 13. Лл. 98, 170, 261; Д. 15. Лл. 2, 183; Усачева, 2021, с. 12). Таким образом, переход границы совершался на основе относительно самостоятельного решения по мотивам экономическим, психологическим, а также в принудительном порядке.

Возраст детей, отправлявшихся в Финляндию без сопровождения взрослых, указывает на то, что они уже могли рассчитывать на свои силы и возможность самостоятельного существования в случае трудоустройства. Анкеты подтверждают это предположение: за границей подростки устраивались в основном прислужкой, включая кухарок, также нанимались работниками в крестьянские хозяйства. Некоторые из них работали на железной дороге, лесозаготовках и лесопильных заводах, занимались торговлей, порою выполняли обязанности чернорабочих или послушников в монастырях (НАРК. Ф. Р-689. Оп. 14. Д. 1. Л. 91, 109, 369; Д. 2. Лл. 173, 198, 200об; Д. 3. Лл. 11об., 263, 175; Д. 10. Лл. 185, 277, 393, 417, 580; Д. 13. Лл. 170; Д. 15. Лл. 18; Усачева, 2021, с. 31, 35, 94, 98, 114, 118, 161). Хотя Финляндия с трудом восстанавливалась после внутренних социальных потрясений 1917–1922 гг. и переживала экономические трудности, тем не менее, карелам, как «соплеменникам», оказывалась благотворительная помощь государства и частных лиц. В Финляндии при государственной поддержке создавались школы специально для карельских беженцев, где можно было получить элементарное образование. По данным В. И. Мусаева, в 1922–1923 гг. действовало 13 школ для беженцев из Восточной Финляндии, в 1924–1925 гг. около 500 чел. обучались в семи карельских школах, из числа которых к концу 1920-х гг. еще продолжали работать 4 школы для карельских беженцев (2007, с. 342–342). В местечке Кухмо был организован детский дом для маленьких беженцев, потерявших родителей, где также велось обучение. Сохранившиеся фотографии, включая приложенные к анкетам репатриантов, говорят о том, что дети, возвращающиеся из Финляндии в родные селения, выглядели аккуратными и здоровыми, были добротно одеты.

Если причиной возвращения из Финляндии на родину карельских крестьян, как правило, была тяга к оставленным хозяйствам и домам, то дети, пересекавшие границу без родительских семей, нередко объясняли свое возвращение влечением к родным, оставшимся по другую сторону границы. Возвращение детей в советскую Карелию происходило как на основании объявленной амнистии, так и нелегально. Вне зависимости от обстоятельств возвращения и возраста, все репатрианты подлежали тщательной проверке со стороны ГПУ НКВД; к процедуре также привлекались члены сельсоветов и волисполкомов. Комиссии по делам несовершеннолетних (Комонес), функци-

онировавшие в крае с 1918 г., в этот период еще не занимались такого рода вопросами (Известия Олонецкого губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов, 1918, с. 3). Те подростки, которые шли в родные деревни без сопровождения взрослых, не направлялись в карантинные пункты¹, а передавались под ответственность родственников. Значительная часть вернувшихся на родину взрослых беженцев была вскоре арестована или подвергнута другим карательным санкциям (Репухова, 2017b, с. 164). Для несовершеннолетних их пребывание в Финляндии также оставалось «несмываемым пятном» в биографии, вызывало сомнения в их лояльности советской власти и влияло на дальнейшие судьбы.

Мотивы и последствия перехода границы подростками в мирных условиях

После завершения Гражданской войны возобновлялись традиционные практики повседневной жизни. У населения пограничья сохранялась память о дореволюционных семейных традициях отходничества в Финляндию на заработки. Превращение внутриимперской административной границы в государственную, объявление ее «закрытой» не сразу привело к осознанию жителями погранполосы новой степени ответственности за ее несанкционированное пересечение. В подростковой среде государственная граница и заграничье, как все запретное, стали вызывать особый интерес и обладать притягательной силой. Случай 17-летнего Федора Никитина иллюстрирует такое положение дел. В декабре 1923 г., придя в соседнюю деревню на праздник и гуляя в группе сверстников по деревне, он услышал предложение одного из приятелей: «не пойдём ли в Финляндию». Инициатива была поддержана: «Мы согласились и на следующий день направились за границу» (Усачева, 2021, с. 11). Поход «за компанию», особенно когда речь идет об опасных вылазках, отказ от участия в которых может быть воспринят как проявление слабости, – характерное проявление детской и особенно подростковой субкультуры². Граница для карельских подростков становилась местом испытания, а ее пересечение в группе – знаком пройденной инициации, подтверждением взросления.

В мирных условиях началась активная работа по профилактике нарушений пограничного режима. НКВД разрабатывал законодательные нормы и ведомственные инструкции по организации жизни в погранполосе и регулированию порядка охраны границы. Постепенно шло расширение погранполосы, зоны действия пограничного режима, которая все больше сдвигалась на восток. Свободное перемещение местных жителей в ее пределах было огра-

1 Общая процедура работы с прибывавшими в Карелию по амнистии представлена в кн.: Репухова (2017b, с. 25–26).

2 Подробнее см.: Осорина М. В. (2008).

ничено, а въезд посторонних жестко регламентировался¹. Жители карельского пограничья не могли относительно свободно, как это было до революции, вести привычное им трудовое отходничество и страдали, особенно зимой, из-за безработицы. К тому же остро ощущался товарный дефицит, толкавший на тайный переход границы с целью приобретения продуктов и вещей. При этом длительное отсутствие по месту жительства оказывалось невозможным, и такие походы в Финляндию были кратковременными. Тем не менее, нелегальные контакты приграничного населения сохранялись вплоть до конца 1920-х гг., в качестве единичных случаев происходили и в 1930-х годах (Такала, 2016, с. 135).

Фонды комиссий по делам несовершеннолетних в Национальном архиве Республики Карелия содержат материалы о малолетних правонарушителях 1920-х гг., среди которых были и дети, совершившие нелегальные переходы границы, что относилось к категории «государственных преступлений»². Для взрослых граждан страны за совершение этого вида преступления устанавливалась уголовная ответственность, однако дети и подростки до 1926 года не привлекались к судебным разбирательствам, поскольку приоритетным в борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних провозглашалось воспитательное начало³. По новому Уголовному кодексу РСФСР, принятому в 1926 г., произошли изменения возраста привлечения к уголовной ответственности: дела подростков 14 лет и старше уже не рассматривались Комонес, а передавались в Народный суд. Возрастной порог ответственности снизился, что говорит об ужесточении политики пограничного контроля, а также о нарастании репрессивной составляющей в отношении детей.

В поле нашего зрения – документально зафиксированные случаи нелегального перехода границы в 1924–1926 гг., когда этот вид правонарушений находился в сфере полномочий Комонес (Дети ГУЛАГа, 2002, с. 28-29). Материалы сосредоточены в фондах Комиссии о несовершеннолетних правонарушителях АКССР (Р-282) и Комиссии о несовершеннолетних правонарушителях при Олонецком уездном отделе народного образования (Р-836). В их составе

1 Об этом подробнее см.: Репухова О. Ю. (2017b. с. 156–175)

2 По Уголовному кодексу РСФСР (1922 г.) к «государственным преступлениям» относились «контрреволюционные преступления» (ст. 57–73) и «преступления против порядка управления» (ст. 74–104). Большинство правонарушений были имущественного характера: кражи, грабежи, разбои, что объяснялось голодом, высоким уровнем сиротства и беспризорности.

3 Этот подход прослеживается, в частности, в терминологии начального периода советской власти, когда понятие «несовершеннолетний преступник» заменили словосочетанием «несовершеннолетний правонарушитель». Смена терминологии прослеживается по документам, регламентирующим деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, а также в трудах исследователей 1920-х гг., обращавшихся к анализу детских правонарушений. Подробнее: Чебаковская А. В. (2019). Намечившаяся в первые годы советской власти тенденция на смягчение терминологии изменилась в первой половине 1930-х гг., когда стала нарастать репрессивная составляющая в практике работы с данными детьми. В нормативно-правовой базе и отчетной документации рассматриваемого периода стали использоваться такие понятия, как «несовершеннолетний преступник», «несовершеннолетний рецидивист», «социально-запущенные дети».

персональные дела несовершеннолетних правонарушителей, поставленных на учет, включающие опросные и статистические листы, справки о возрасте правонарушителя, протоколы задержания и допросов несовершеннолетних, постановления инспекторов отдела уголовного розыска и комиссии по делам несовершеннолетних. Эти документы не дают полного представления о масштабах самостоятельного перехода детьми границы, поскольку не содержат сведений о детях, оставшихся в Финляндии. Комонес рассматривала дела возвращавшихся из Финляндии подростков, которые смогли беспрепятственно уйти в соседнюю страну, а на обратном пути попали в поле зрения органов советской власти¹. Большинство расследований нарушений подростками границы начиналось именно при их возвращении на родину. В действительности нарушений пограничного режима детьми было больше, но часть из них не оформлялась, поскольку подчас пограничники передавали детей, особенно младшего возраста, непосредственно родителям без оформления документов. Отдельные дети оставались незамеченными во время перехода границы и возвращались домой, не оставив «следов» в официальных бумагах. Описание таких ситуаций присутствует в общем нарративе воспоминаний о детстве в приграничье 1920–1930-х годов².

В рассмотренных материалах Комонес выявлено 7 дел о нелегальных переходах детьми границы. Основная часть подобных преступлений была зафиксирована в южной части АКССР, преимущественно вблизи деревни Погранкондуши Видлицкой волости, которая смыкалась по линии границы с финской деревней Мансила. Единичные случаи были отмечены у приграничной деревни Вешкелица, а также находившейся в некотором отдалении от границы деревни Колатсельга Туломозерской волости. Изучение этих немногочисленных документов позволяет установить мотивы перехода границы и причины возвращения на родину, а также реконструировать процедуру привлечения юных нарушителей границы к ответственности и типичные меры воздействия.

Задержание могло осуществляться как пограничниками, так и членами сельсоветов, которым вменялось в обязанность выявлять перебежчиков и доставлять их на заставу или в комендатуру (Заерко, 2002, с. 98). Как следует из документов, на заставе устанавливали личность и возраст подростка-нарушителя. Вся процедура документировалась, описывались также вещи, которые находились при задержанном и могли служить доказательством в определении причин и мотивов нелегального перехода госграницы. Как правило, затем задержанного доставляли в комендатуру, а позже вместе с официальными документами – в комиссию по делам несовершеннолетних.

1 Некоторые подростки, уйдя в Финляндию в несовершеннолетнем возрасте, возвращались на родину уже в новом возрастном статусе, и их дела рассматривались другими органами. Отдельные попадали в категорию «финнов-перебежчиков», которыми непосредственно занималось ОГПУ.

2 Развернутый анализ этих материалов представлен в статье: Илюха О. П. (2012).

Допросы каждого несовершеннолетнего правонарушителя проводились несколько раз с оформлением протоколов.

Возраст проходивших через Комонес правонарушителей составлял 13-15 лет. Как следует из документов, на самостоятельное пересечение границы отваживались лишь мальчики. Все они происходили из бедных или среднего достатка крестьянских семей с одним или двумя родителями, росли и воспитывались с братьями и сестрами в стесненных условиях. Так, семья Ивана Титова (14 лет) из семи человек находилась в крайней бедности, дом и весь инвентарь был сожжен «во время нашествия белофиннов», в связи с чем приходилось квартироваться у других крестьян (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 9). Семен Шебоев (15 лет) вместе с двумя сестрами и братом жил с матерью и отчимом в недостроенном одноэтажном доме, состоящем из двух комнат; семья владела лошадью, тремя коровами и тремя овцами, которые являлись основой их хозяйства (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 114. Л. 14). Уровень образования таких детей определялся как неграмотные или малограмотные, и только два подростка перед уходом в Финляндию посещали школу. Одни оставили учебу по настоянию родителей, чтобы помогать по хозяйству, другие не могли пойти в школу из-за отсутствия одежды и обуви.

Именно плохое материальное положение семьи, а иногда и голод становились, по объяснению подростков, причиной их ухода за границу. Оставив мать с братьями и сестрами, Андрей Сумкин (16 лет) из деревни Никкойла Сямозерской волости попытался прокормиться у сестры в Финляндии (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 107. Л. 10). Посещение родственников или встреча с ними как цель перехода границы документировалась во многих делах. Вместе с тем прибывшие из советской Карелии дети подчас становились обузой для принимающих их семей. В показаниях задержанных отмечалось, что родные отговаривали оставаться у них и советовали вернуться домой или настаивали на трудоустройстве. Так, сестра Андрея Сумкина, у которой он проживал в Финляндии больше полугода, предложила ему «идти на заработки». Это не устроило подростка, и он решил вернуться к родителям (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 107. Л. 16). Дети-сироты, оказавшись за границей, не возвращались на родину. Так, в деле Дмитрия Букова (13 лет) из деревни Хлев-Наволоок Ведлозерской волости фиксировалось, что его товарищ остался в Финляндии, поскольку не имел родителей (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 90. Л. 5).

Дополнительным источником информации о нарушителях границы были обнаруженные у них вещи. В октябре 1924 г. начальник Олонцкого погранотряда, рапортуя о 15-летнем Константине Кунильском из г. Олонца, который перешел границу на участке села Видлица, отмечал, что при досмотре на заставе были обнаружены следующие предметы: фотографическая карточка неизвестного человека, нательная рубашка, 3 воротничка, носовой платок, 2 обрывка финской газеты и справки о его личности на финском языке (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 3). Документы вызвали подозрение органов власти.

Начальник заставы предоставил рапорт коменданту, в котором указал статус правонарушителя как «финн-перебежчик», что требовало повышенного внимания. Сотрудники Карельского областного отдела ГПУ провели допрос несовершеннолетнего, получив в результате сведения о возрасте, месте проживания, образовании, родителях, занятиях, политических убеждениях, а также «описание правонарушения».

В этом описании со слов подростка перечислялись названия населенных пунктов, попадавших на его пути; пояснялось, каким образом он передвигался («на лыжах», «пешим порядком»), как встречали его финские солдаты и что предпринимали по отношению к нему; сообщались фамилии людей, у которых Константин находился на работах (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 5). В ходе допроса было установлено, что финские солдаты, продержав подростка трое суток в казарме, отправили его самостоятельно на поиск работы, которую Константин нашел не сразу (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 5об.). Около полугодя подросток находился на заработках в Финляндии, переходя с одной работы на другую.

По возвращении на территорию Карелии Константина «взял на поруки» отец, также допрошенный и подписавший обязательство контролировать безотлучное нахождение сына по месту жительства до окончания следствия (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 7). Уход сына явился неожиданностью для родителей, которые спустя некоторое время стали искать его «по соседям и в деревне»; на другой день о пропаже сына было заявлено в милицию. В Финляндии у Константина жили двоюродные братья, что, по предположению отца, могло способствовать уходу за границу. Отец отмечал также, что сын мог совершить это правонарушение ввиду желания «где-нибудь подзаработать на одежду» «из-за нехватки в доме», поскольку незадолго до ухода он просил купить ему брюки, но из-за отсутствия средств родители «не в силах были удовлетворить его просьбу» (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 8).

Материалы дела позволяют предполагать, что решение подростка об уходе в Финляндию вполне могло быть известно родителям и даже согласовано с ними, но в целях смягчения наказания при допросе ситуация характеризовалась отцом иначе. Во время повторного дознания сам подросток отметил, что «прельстился фотокарточками своих двоюродных братьев, проживающих в Финляндии», поскольку на тех была «хорошая одежда» (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 9). В постановлении по делу Константина Кунильского акцентируется внимание на том, что подросток соскучился по родителям и решил вернуться домой (НАРК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 91. Л. 13).

Обычно дети подчеркивали, что принимая решение об уходе в Финляндию, не подвергались влиянию кого-либо, а ими двигало простое желание увидеть другой мир, в котором они смогут удовлетворить свои потребности. Причиной ухода за границу могли стать конфликты с родителями. В ноябре 1923 г. 14-летний Иван Титов из деревни Погранкондуши

Видлицкой волости, совершив проступок в школе (сломал школьный замок), побоялся наказания отца и ушел в Финляндию (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 2). Вернулся домой он только в конце июля 1924 г. В деле Комонес сохранилась схема места перехода границы, нарисованная карандашом. На допросе Иван Титов, объясняя причину возвращения на родину, заявил, что «в Финляндии ничего завидного не было» и он соскучился по домашним (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 7). Также был выявлен «факт воздействия со стороны лиц, способствовавших пересечению границы с Финляндией». Иван подвергся физическому насилию со стороны отца, поэтому, совершив проступок в школе, решил уйти в Финляндию во избежание домашнего наказания. Об этом же свидетельствовал и отец ребенка (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 9). Согласно постановлению ГПУ, несовершеннолетний был «изобличен в предписываемом преступлении по ст. 98 Уголовного кодекса» (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 9)¹, однако после передачи дела в Комонес было вынесено постановление об отдаче мальчика под ответственный надзор родителей «с обязательным внушением через школьного работника и посещением школы».

В делах местных комиссий зачастую отмечалось, что переход границы происходил ввиду «несознательности» детей (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 90. Л. 11об.). К несовершеннолетним (1920 г. – до 18 лет, 1922 г. – до 16 лет, 1926 г. – до 14 лет, 1929 г. – до 16 лет, 1935 г. – до 12 лет²), нарушавшим границу, применялись воздействия, которые определялись как меры «медико-педагогического характера»: прежде всего беседы, внушения и разъяснения школьных работников о недопустимости перехода границы. Детей обязывали посещать школу, а родителей и учителей – обеспечивать «ответственный надзор». Дошкольников, случайно перешедших границу, могли во избежание повторения инцидента определить в детский сад (Илюха, 2012, с. 130). Правонарушителей-подростков обязывали еженедельно являться для регистрации в уездный отдел народного образования в течение полугода или года (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 91. Л. 14), либо для контроля над ними привлекали общественность (НАРК. Ф. Р.-282. Оп. 3. Д. 110. Л. 3)³. Считалось, что эти меры ограждали детей от совершения новых общественно опасных действий (Люблинский, 1923,

1 Статья 98 Уголовного кодекса РСФСР (1922 г.): «Выезд за границу и въезд в РСФСР без установленного паспорта или без разрешения подлежащих властей карается – принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом до 500 руб. золотом» См.: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г.

«О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР». <https://docs.cntd.ru/document/901757375>

2 Данные нормативных документов: Постановление СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях»; Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г.

«О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»; Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года»; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст. 47 и 174 Исправительно-трудового кодекса РСФСР» от 30 октября 1929 г.; Постановление СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» и др.

3 Например, в деле 15-летнего Ивана Борисова, перешедшего в октябре 1924 г. госграницу, Комонес была определена следующая мера наказания: отдать под ответственный надзор родителей, под контроль председателя совета Сямозерской волости и местного общества сроком на один год.

с. 255). Определяя в качестве наказания несовершеннолетним нарушителям границы отдачу «под ответственный надзор родителей», сотрудники Комонес не учитывали фактов грубого обращения родителей со своими детьми «в воспитательных целях», как это было с Иваном Титовым, что могло ухудшить положение подростков и привести к повторению нелегальных переходов границы (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 9). При наступлении возраста уголовной ответственности по отношению к правонарушителю могли применяться принудительные работы сроком до шести месяцев или штраф до 500 рублей золотом (статья 98 Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.) (Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР». 1922).

При переходе границы несовершеннолетних обычно задерживали пограничники либо финской, либо советской заставы. В случае обнаружения нарушителей границы финскими солдатами те препровождали подростков в пограничную часть, где опрашивали о целях визита. Обычно, как это следует из материалов дознания, проведенного уже на советской стороне, несовершеннолетние направлялись финской погранохраной на работу к местным жителям, от которых они могли уйти, если что-то им не понравится. В некоторых случаях финские солдаты отпускали детей по их просьбе к родственникам или на выбранное место жительства (НАРК. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 92. Л. 7 об.).

К концу 1920-х гг. заметно уменьшение количества дел о нелегальных переходах государственной границы детьми, что связано как с административными, так и политико-идеологическими мерами советской власти в пограничье. В их числе – установление систематической проверки документов у населения в погранполосе, форсированная советизация и пропаганда, включая систематическую воспитательную работу пограничников с юными гражданами через школу и учителей.

Заключение

Детские нелегальные переходы границы в 1920-х годах были частью общего миграционного движения жителей карельского пограничья. На начальном этапе советской истории российско-финляндская граница оставалась проницаемой, что использовалось детьми и подростками для решения собственных и семейных проблем. Вместе с тем изменение пограничного режима, который отражал ситуацию политической конфронтации и культурного отчуждения – «рефронтира», требовало адаптации местных жителей к новым условиям.

После завершения Гражданской войны несовершеннолетними нарушителями российско-финляндской границы были мальчики-карелы, проживавшие в ее непосредственной близости. Девочки не отваживались отправляться в рискованное путешествие без сопровождения взрослых. Как свидетельствуют рассмотренные источники, цели и мотивы перехода границы из России

в Финляндию, а также возвращения на родину несколько менялись с течением времени. В условиях Гражданской войны доминировал мотив спасения собственной жизни. На принятие решения влияла паника, когда подростки поддавались общему настроению односельчан, а также присутствовал фактор насильственного увода в Финляндию. В мирных условиях стал более заметен мотив ухода в соседнюю страну на заработки с целью улучшения условий собственной жизни и оказания материальной помощи родителям, что можно считать одной из стратегий семейного выживания. Вынужденный уход ребенка за границу можно было предотвратить при наличии детских учреждений, однако их в приграничной сельской местности не хватало.

В подростковой среде государственная граница и заграничье, как все запретное, вызывали любопытство и обладали притягательной силой. Переход границы мог быть использован в среде сверстников как доказательство своей «взрослости» или являлся попыткой решения семейных проблем, конфликтов с родителями. В последнем случае «заграница» представлялась убежищем, дающим возможность укрыться от родительского наказания. При этом в мирное время подростки, задержанные органами власти, всегда указывали на самостоятельность принятого решения о переходе границы, без целенаправленного воздействия старших. В этом можно увидеть понимание ими угроз, которые в ином случае нависали бы над семьей, и проявление желания оградить родственников от возможной кары.

Официальные источники дают представление о системе контроля в отношении детей и мерах наказания нарушителей. Они свидетельствуют о сращивании институтов советской власти с органами социально-правовой защиты детей, а также осуществлении общей координации их работы со стороны НКВД. При этом документы следственных органов лишь фрагментарно передают детский опыт пересечения границы и проживания в Финляндии, поскольку они создавались с целью фиксации самого процесса выявления обстоятельств и мотивов «государственных преступлений». При проведении расследования в первую очередь устанавливалось наличие связей, сложившихся во время нахождения в Финляндии, которые, по мнению властей, могли представлять какую-то угрозу для советского государства. Таким образом, дети, с одной стороны, действовали как самостоятельные акторы, с другой, были жестко включены в контекст общеполитической и локальной ситуации с особыми социальными и географическими условиями.

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания Карельского Научного центра РАН.

The article was completed as part of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Список литературы

- Akesson, B. (2014). Arrested in Place: Palestinian Children and Families at the Border. In *Children and Borders* (pp. 81–98). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137326317>
- Borderland Studies Meets Child Studies. A European Encounter.* (2017). Peter Lang. <https://doi.org/10.3726/b1155910.3726/b11559>
- Halicka, B. (2017). The Everyday Life of Children in Polish–German Borderlands During the Early Postwar Period. In *Borderland Studies Meets Child Studies: A European Encounter* (pp. 116–137). Peter Lang. <https://doi.org/10.3726/b11559>
- Ilyukha, O. (2019). Soviet and post-Soviet borders in texts for children and as perceived by children: Symbolic figures, images, meanings. In *Borders and Memories. Conflicts and Co-operation in European Border Regions* (pp. 31–50). LIT Verlag.
- Kaisto, V., & Brednikova, O. (2019). Lakes, Presidents and Shopping on Mental Maps: Children's Perceptions of the Finnish–Russian Border and the Borderland. *Fennia – International Journal of Geography*, 1, 58–76. <https://doi.org/10.11143/fennia.73208>
- Nygård, T. (1980). *Itä-Karjalan pakolaiset. 1917–1922 [Refugees from East Karelia. 1917–1922]*. Jyväskylän yliopisto. (In Finnish).
- Sandberg, M. (2016). Restructuring Locality: Practice, Identity and Place-Making on the German-Polish Border. *Identities*, 23(1), 66–83. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2015.1016523>
- Venken, M., Kaisto, V., & Brambilla, Ch. (2021). Children, Young People and Borders: A Multidisciplinary Outlook. *Journal of Borderlands Studies*, 36(2), 149–158. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1898447>
- Витухновская-Кауппала, М. А., & Осипов, А. Ю. (2021). В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. Нестор-История.
- Грациози, А. (2008). Новые архивные документы советской эпохи: Источниковедческая критика. *Отечественные записки*, 4. <https://strana-oz.ru/2008/4/novye-arhivnye-dokumenty-sovetskoj-epohi-istochnikovedcheskaya-kritika>
- Дети ГУЛАГа. 1918–1956. (2002). МФД.
- Заерко, А. Л. (2002). *Кровавая граница (1918–1939)*. Камерон-Д.
- Зотова, М. В., Гриценко, А. А., & Себенцов, А. Б. (2018). Повседневная жизнь в российском пограничье: Мотивы и факторы трансграничных практик. *Мир России*, 4, 56–77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77>
- Известия Олонецкого губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. (1918). *Петрозаводск*, 255, 3.
- Илюха, О. П. (2012). Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве. *Труды Карельского научного центра РАН*, 4, 124–133.
- Килин, Ю. М. (1999). *Карелия в политике советского государства. 1920–1941*. Издательство Петрозаводского государственного университета.
- Люблинский, П. И. (1923). *Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: Социально-правовые очерки*. Юридическое издательство Наркомюста.

- Мусаев, В. И. (2007). *Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.)*. Издательство Политехнического университета.
- Национальный архив Республики Карелия (НАРК). (б. д.-а). Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 90, 91, 107, 110, 114.
- Национальный архив Республики Карелия (НАРК). (б. д.-б). Ф. Р-689. Оп. 14. Д. 1, 2, 3, 10, 13, 15.
- Национальный архив Республики Карелия (НАРК). (б. д.-с). Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 90, 91, 92.
- Осорина, М. В. (2008). *Секретный мир детей в пространстве мира взрослых*. Питер.
- Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР». (1922). <https://docs.cntd.ru/document/901757375>
- Репухова, О. Ю. (2017а). *Пограничный режим в Карелии в 1920–1930-е годы*. Издательство ПетрГУ.
- Репухова, О. Ю. (2017б). *Пограничный режим в Карелии в 1920-х гг. Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, 3(7), 156–175.
- Романова, А. П., & Якушенков, С. Н. (2012). *Фронтирная теория: Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России. Инноватика и экспертиза*, 2, 74–80.
- Рупасов, А. И., & Чистиков, А. Н. (2016). *Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.* Издательство «Аврора».
- Такала, И. Р. (2016). «Граница на замке!». Особенности государственного террора в карельском приграничье 1920-х – первой половины 1930-х гг. *Альманах североевропейских и балтийских исследований*, 1, 132–159.
- Усачева, Е. В. (2021). *Карельские беженцы. Дорога домой*. Периодика.
- Чебаковская, А. В. (2019). *Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период. Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 8, 93–101. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.418>

References

- Akesson, B. (2014). Arrested in Place: Palestinian Children and Families at the Border. In *Children and Borders* (pp. 81–98). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137326317>
- Borderland Studies Meets Child Studies. A European Encounter*. (2017). Peter Lang. <https://doi.org/10.3726/b1155910.3726/b11559>
- Chebakovskaya, A. V. (2019). Working with Juvenile Offenders in Karelia During the Post-Revolutionary Period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 8, 93–101. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.418> (In Russian).
- Deti GULAGa. 1918–1956*. (2002). MFD. (In Russian).
- Graciozi, A. (2008). *Novye arhivnye dokumenty sovetskoj jepohi: Istochnikovedcheskaja kritika. Otechestvennyye zapiski*, 4. <https://strana-oz.ru/2008/4/novye-arhivnye-dokumenty-sovetskoy-epohi-istochnikovovedcheskaya-kritika> (In Russian).
- Halicka, B. (2017). The Everyday Life of Children in Polish–German Borderlands During the Early Postwar Period. In *Borderland Studies Meets Child Studies: A European Encounter* (pp. 116–137). Peter Lang. <https://doi.org/10.3726/b11559>

- Ijuha, O. P. (2012). Povsednevnost' sovetско-finljandskogo pogranich'ja 1930-h godov v vospominanijah o detstve. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN*, 4, 124–133. (In Russian).
- Ilyukha, O. (2019). Soviet and post-Soviet borders in texts for children and as perceived by children: Symbolic figures, images, meanings. In *Borders and Memories. Conflicts and Co-operation in European Border Regions* (pp. 31–50). LIT Verlag.
- Izvestija Oloneckogo gubernskogo ispolkoma Sovetov krest'janskikh, rabochih i krasnoarmejskih deputatov. (1918). *Petrozavodsk*, 255, 3. (In Russian).
- Kaisto, V., & Brednikova, O. (2019). Lakes, Presidents and Shopping on Mental Maps: Children's Perceptions of the Finnish-Russian Border and the Borderland. *Fennia – International Journal of Geography*, 1, 58–76. <https://doi.org/10.11143/fennia.73208>
- Kilin, Ju. M. (1999). *Karelija v politike sovet'skogo gosudarstva. 1920–1941*. Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Ljublinskij, P. I. (1923). *Bor'ba s prestupnost'ju v detskom i junosheskom vozraste: Social'no-pravovye ocherki*. Juridicheskoe izdatel'stvo Narkomjusta. (In Russian).
- Musaev, V. I. (2007). *Rossija i Finljandija: Migracionnye kontakty i polozhenie diaspor (konec XIX v. – 1930-e gg.)*. Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Karelia (NARK). (n. d.-a). F. R-282. In. 3. C. 90, 91, 107, 110, 114. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Karelia (NARK). (n. d.-b). F. R-689. In. 14. C. 1, 2, 3, 10, 13, 15. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Karelia (NARK). (n. d.-c). F. R-836. In. 1. C. 90, 91, 92. (In Russian).
- Nygård, T. (1980). *Itä-Karjalan pakolaiset. 1917–1922 [Refugees from East Karelia. 1917–1922]*. Jyväskylän yliopisto. (In Finnish).
- Osorina, M. V. (2008). *Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh*. Piter. (In Russian).
- Postanovlenie VCIK ot 1 ijunja 1922 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa RSFSR». (1922). <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (In Russian).
- Repuhova, O. Ju. (2017a). *Pogranichnyj rezhim v Karelii v 1920–1930-e gody*. Izdatel'stvo PetrGU. (In Russian).
- Repuhova, O. Ju. (2017b). *Pogranichnyj rezhim v Karelii v 1920-h gg. Vestnik Universiteta Dmitrija Pozharskogo*, 3(7), 156–175. (In Russian).
- Romanova, A. P., & Jakushenkov, S. N. (2012). Frontirnaja teorija: Novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoj i jekonomicheskoi situacii na Juge Rossii. *Innovatika i jekspertiza*, 2, 74–80. (In Russian).
- Rupasov, A. I., & Chistikov, A. N. (2016). *Sovetsko-finljandskaja granica. 1918–1938 gg*. Izdatel'stvo «Avrora». (In Russian).
- Sandberg, M. (2016). Restructuring Locality: Practice, Identity and Place-Making on the German-Polish Border. *Identities*, 23(1), 66–83. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2015.1016523>
- Takala, I. R. (2016). «Granica na zamke!». Osobennosti gosudarstvennogo terrora v karel'skom prigranich'e 1920-h – pervoj poloviny 1930-h gg. *Al'manah severoevropskikh i baltijskikh issledovanij*, 1, 132–159. (In Russian).

- Usacheva, E. V. (2021). *Karel'skie bezhency. Doroga domoj*. Periodika. (In Russian).
- Venken, M., Kaisto, V., & Brambilla, Ch. (2021). Children, Young People and Borders: A Multidisciplinary Outlook. *Journal of Borderlands Studies*, 36(2), 149–158.
<https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1898447>
- Vituhnovskaja-Kauppalaa, M. A., & Osipov, A. Ju. (2021). *V puchine grazhdanskoj vojny: Karely v poiskah strategij vyzhivaniya. 1917–1922*. Nestor-Istorija. (In Russian).
- Zaerko, A. L. (2002). *Krovavaja granica (1918–1939)*. Kameron-D. (In Russian).
- Zotova M., Gritsenko A., & Sebentsov A. (2018). Everyday Life in the Russian Borderlands: the Motives and Determinants of Cross-border Practices. *Mir Rossii*, 4, 56–77.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77> (In Russian).